

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ ЭНЕИДѢ ВИРГИЛІЯ.

(Литературная характеристика).

Къ Энеидѣ Вирилія болѣе, чѣмъ къ какому бы то ни было произведенію классической древности, можно примѣнить латинское изреченіе: *habent sua fata libelli*. Была пора когда къ этому произведенію относились не иначе, какъ съ полнымъ и самымъ восторженнымъ одобреніемъ, когда оно, при всей искусственности своего построенія и риторической манерности стиля, оспаривало пальму первенства даже у Иліады Гомера. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что ни одному изъ поэтовъ древняго и новаго міра не удалось пользоваться такою обширною и продолжительною извѣстностію, какъ Вирилію. Онъ занималъ еще при жизни своей положеніе первостепеннаго поэта и Овидій прямо заявляетъ, что во всемъ Лаціумѣ нѣтъ произведенія славнѣе его Энеиды. Христіанское общество первыхъ вѣковъ, при всей подозрительности своей къ памятникамъ языческой образованности, питало къ Вирилію особенное уваженіе. Уже въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ изъ стиховъ и полустихій его стали подбираться цѣлыя пьесы, такъ называемые „Центоны“. Высокой славѣ Вирилія въ это время въ особенности содѣйствовала его замѣчательная четвертая эклога, гдѣ поэтъ въ возвышенныхъ чертахъ рисуетъ, сообразно съ предсказаніями Сивиллиныхъ книгъ, наступленіе новой эпохи въ жизни человѣчества. На землѣ является чудная дѣва, какъ высшая богиня справедливости, и съ нею водворяется золотой вѣкъ; происходитъ рожденіе таинственнаго младенца, долженствующаго царствовать надъ вселенной и водворить миръ во всѣхъ областяхъ природы. Явное сходство этой

картины съ мессіанскими чаяніями заставляло видѣть въ Виргиліѣ полухристіанина и потому неудивительно, что даже самъ Блаженный Августинъ не стыдился слезъ, пролитыхъ имъ надъ печальной участію Дидоны, изображенной въ Энеидѣ.—Такая слава Виргилія, перешедши въ средніе вѣка, превратила этого поэта въ какое-то полумиѳическое лицо и католическіе монахи западной Европы едва не причислили его къ лику святыхъ, Слѣдующія слова одного средневѣковаго гимна, въ которыхъ Апостоль Павелъ представляется плачущимъ надъ мавзолеемъ Марона, могутъ давать достаточное понятіе о томъ, какимъ ореоломъ величія и блеска окружено было имя Виргилія въ это время:

Ad Maronis mausoleum
Ductus, fudit super eum
Piae rorem lacrimae:
Quem te, inquit, reddidissem,
Si te vivum invenissem,
Poetarum maxime! ¹⁾

Дантъ, величайшій поэтъ среднихъ вѣковъ, питалъ восторженное уваженіе къ Виргилію и даже избралъ его своимъ руководителемъ въ Аду. Извѣстно, что любимой книгой его въ молодости была Энеида и потому въ началѣ своей „Божественной комедіи“, онъ прямо привѣтствуетъ Виргилія своимъ учителемъ:

О дивный свѣтъ, о честь другихъ пѣвцовъ!
Будь благъ ко мнѣ за долгое ученіе
И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ,
Ты авторъ, мой наставникъ въ пѣснопѣнь;
Ты былъ одинъ, у коего я взялъ
Прекрасный стиль, снискавшій мнѣ хваленіе ²⁾.

Франческо Петрарка, знаменитый поэтъ и ученый дѣятель эпохи возрожденія, былъ также пламеннымъ почитателемъ Виргилія и ввѣрилъ манускрипту его произведеній, сохраняющемуся теперь въ Миланской бібліотекѣ, величайшую

¹⁾ Т. е. Приведенный къ мавзолею Марона, онъ оросилъ его благочестивой слезой и сказалъ: что сдѣлалъ бы я изъ тебя, если бы засталъ тебя нѣ живыхъ, о величайшій изъ поэтовъ! См. М. Каррьеръ. Искусство въ связи съ развитіемъ культуры. 2 т. 418 стр.

²⁾ Дантъ. „Божественная комедія“, 1 ч., 1 п. перев. Мина.

тайну своей жизни, исторію своей любви къ Лаурѣ. Въ связи съ этимъ то необыкновенное удобство, съ какимъ Энеида могла примѣняться къ преподаванію, давая возможность каждому толкователю ея набирать цѣлый рядъ объясненій синтаксическихъ, стилистическихъ, мифологическихъ, историческихъ, археологическихъ и проч. — издавна утвердило ея господство даже въ школьномъ образованіи. Мало того: существовалъ даже обычай гадать о будущемъ по Virgilію, подобно тому какъ гадали о немъ по Библии, и выпадавшіе въ отвѣтъ стихи обыкновенно назывались „*sortes virgilianae*“. Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ, въ эпоху господства ложноклассицизма въ западной литературѣ, уваженіе къ Virgilію было возведено въ догматъ эстетическаго вкуса и за нимъ утвердилось названіе „князя поэтовъ“. Такъ, въ продолженіи восемнадцати столѣтій Virgilій, благодаря въ особенности Энеидѣ, сохранялъ славу первостепеннаго эпического поэта при всѣхъ измѣненіяхъ литературныхъ воззрѣній и историческихъ обстоятельствъ.

Но времена эти прошли: съ конца прошедшаго вѣка стали возникать одно за другимъ возраженія на Энеиду, авторитетъ ея сильно пошатнулся и бывшее предпочтеніе ея Илиадѣ Гомера стало служить только признакомъ неразвитаго вкуса прежнихъ временъ. — Безъ преувеличія можемъ сказать, что главною причиною столь явнаго упадка въ уваженіи къ Энеидѣ служить, именно, неудачное изображеніе поэтомъ ея религіознаго элемента, общую характеристику котораго мы и поставляемъ здѣсь своею задачею. Но прежде этого намъ необходимо представить хотя въ краткихъ чертахъ общее содержаніе этой поэмы.

Въ своей Энеидѣ Virgilій воспѣваетъ Энея, сына Венеры, спасагося изъ Трои послѣ ея разрушенія, — воспѣваетъ съ очевиднымъ намѣреніемъ связать начальныя времена могущественной римской имперіи съ преданіями древней героической Эллады. При этомъ исключительнымъ образцомъ для него служить Гомеръ, и Virgilій явно подражаетъ обѣимъ его поэмамъ, описывая въ первыхъ шести пѣсняхъ Энеиды приключенія Энея, на подобіе странствованій Улисса въ Одиссеѣ, а послѣднія шесть посвящая изображенію битвы сего героя въ Лаціумѣ, по образцу Илиады. Поэма открывается изображеніемъ бури на морѣ, застигшей Энея

при переѣздѣ изъ Сициліи въ Италію на седьмомъ году странствованія и ниспосланной Юноною, жестокою ненавистницею Троянъ. Венера, исходатайствовавъ у Юпитера укрощеніе бури, приводитъ Энея въ Корфагенъ, гдѣ онъ, какъ и Одиссей у Феаковъ, самъ рассказываетъ предъ царицею Дидоною исторію своихъ приключеній. Картина паденія и сожженія Трои, изображаемая во второй пѣснѣ Энеиды, нарисована поэтомъ съ большимъ мастерствомъ; но излагаемая въ третьей пѣснѣ приключенія Энея не отличаются особенною оригинальностью и представляютъ собою лишь смутный отголосокъ Одиссеи. Въ четвертой пѣснѣ выступаетъ предъ нами романтическій элементъ Энеиды. Это—несчастливая любовь Дидоны къ Энею и ея трагическая смерть. Удаленный изъ Корфагена повелѣніемъ боговъ, Эней, преодолевъ препятствія, изображенныя въ пятой пѣснѣ, заѣзжаетъ въ Кумы и здѣсь, на подобіе Улисса въ Одиссеѣ, посѣщаетъ адъ, подробно описываемый въ шестой пѣснѣ.—Съ седьмой пѣснѣ Энеиды картина опасныхъ странствованій Энея смѣняется изображеніемъ почти непрерывныхъ битвъ, напоминающихъ собою Иліаду. Эней ступилъ на почву Лаціума и такъ расположилъ къ себѣ царя его Латина, что тотъ даже предлагаетъ ему въ супруги свою дочь Лавинію. Но послѣдняя уже просватана своею матерью за рутульскаго князя Турна, который поэтому и дѣйствуетъ всѣми своими силами противъ иноземныхъ пришельцевъ (VII п.). Эней проситъ помощи у Эвандра, царствовавшего на холмѣ Палатинскомъ; но прежде чѣмъ подоспѣлъ на помощь сынъ Эвандра Паллантъ со своею дружиною, въ оставленный Энеемъ станъ троянскій грозно вторгается Турнъ, при чемъ погибаютъ двое благородныхъ юношей, Нисъ и Евріаль (VIII и IX п.). Возвратившійся Эней вступаетъ въ битву съ Рутуллами, при чемъ со стороны Троянъ падаетъ молодой Паллантъ, а со стороны Рутуловъ героически погибаетъ амазонка Камилла, въ личности которой снова выступаетъ на сцену романтическій элементъ Энеиды (X и XI п.). Энею приходится теперь мстить за смерть своего молодаго друга, подобно тому какъ въ Иліадѣ Ахиллесъ мститъ за Патрокла и война можетъ быть прекращена только поединкомъ Энея съ Турномъ, Побѣдой Энея въ этомъ поединкѣ и оканчивается поэма (XII п.).

Изъ этого изложенія общаго содержанія Энеиды мы можемъ съ наглядностію убѣдиться, что въ поэмѣ этой Virgilii во всемъ подражаетъ Гомеру, стараясь соединить въ одно цѣлое двойной образъ Илиады и Одиссеи. Такое стремленіе римскаго поэта само собою вызываетъ необходимость сопоставленія съ Гомеромъ общаго художественнаго значенія его произведенія. При разсмотрѣніи религіознаго элемента Энеиды сопоставленіе это должно имѣть тѣмъ большее примѣненіе, что Virgilii, по образцу Гомера, ставитъ его на верху всего развивающагося дѣйствія эпоса.

Мифологическій міръ, съ которымъ имѣлъ дѣло Virgilii, и по формѣ и по сущности своей былъ совершенно тотъ-же, какой мы можемъ находить и въ пѣснопѣніяхъ Гомера: такъ какъ поэтъ нашъ жилъ въ ту эпоху, когда Римляне вполне уже усвоили себѣ всѣ мифологическія представленія древнихъ Грековъ, замѣнивъ лишь наименованія эллинскихъ божествъ своими собственными. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ вообще признать, что художественное представленіе этого міра, въ эпосѣ Virgilii гораздо ниже гомерическаго. Тогда какъ боги Гомера и въ своей собственной средѣ, и въ своихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ судьбамъ и дѣйствіямъ героевъ составляли какъ-бы особый, исполненный интереса эпическій міръ, въ которомъ они выступали какъ опредѣленныя характерныя личности,—боги Virgilii, какъ мы увидимъ далѣе, вовсе не представляютъ въ себѣ ничего подобнаго и въ томъ и въ другомъ отношеніи. — Ближайшимъ образомъ это объясняется, съ одной стороны тѣмъ, что Virgilii, какъ поэтъ искусственный, внесъ преднамѣренность въ развитіе своей эпоса вообще и въ частности ея мифологическаго элемента, а съ другой—недостаткомъ и даже полнымъ отсутствіемъ религіозной вѣры въ сердцѣ самого поэта.

По отношенію къ Гомеру мы можемъ смѣло утверждать, что въ своихъ пѣснопѣніяхъ онъ не имѣлъ никакой другой цѣли, какъ только поэтически воспѣть обнаружившуюся при непосредственномъ участіи самыхъ боговъ могучую героическую доблесть. Онъ чувствовалъ въ себѣ порывы вдохновенной фантазіи и только развѣртывалъ ея живые и наглядные ослѣпы предъ своими воспріимчивыми къ поэзіи современниками, будучи уже совершенно счастливъ въ томъ, что

для этого у него былъ столь благопріятный и столь любимый его слушателями сюжетъ, какъ разрушеніе Трои. Стоя на почвѣ живаго народнаго преданія, Гомеръ, можно сказать, игралъ здѣсь роль только благозвучныхъ устъ для воспѣванія того, что испытывалъ и созерцалъ вмѣстѣ съ нимъ весь народъ, не привнося въ свои пѣснопѣнія ничего личнаго индивидуальнаго. Виргилій-же, напротивъ того, какъ поэтъ искусственный, имѣлъ въ своемъ твореніи совершенно побочную цѣль, именно: прославить то достопримѣчательное время, въ которое онъ жилъ самъ. Воспѣвая различные подвиги и приключенія Троянъ, онъ имѣлъ въ виду только показать, что доблестный Римскій народъ, достигнувшій во время поэта высочайшей степени политическаго могущества, имѣлъ и не менѣе славное начало,—что уже въ самомъ первичномъ, незначительномъ, но руководимомъ богами зачаткѣ его находится причина его будущаго историческаго величія. Онъ не есть тотъ геній, который, непосредственно сливаясь съ общенароднымъ сознаніемъ, безъ всякой предварительной рефлексіи, воспѣвалъ только то, что находилъ наиболѣе доблестнымъ и славнымъ въ живомъ преданіи своего народа. Напротивъ того, и матеріалъ для своей поэмы и способъ его технической обработки Виргилію предстояло изыскивать путемъ долговременнаго и усиленнаго изученія ¹⁾, и при всемъ искусствѣ его въ пользованіи ими, все-таки съ совершенною ясностію обнаруживается, что онъ приступаетъ къ творчеству уже съ готовой, предзанятой тенденціей и только мастерски пользуется имъ для этой послѣдней.

Современникъ Юліевъ, производившихъ свой родъ отъ Юла, Энеева сына, и на этомъ основаніи выставлявшихъ себя законными, какъ-бы наслѣдственными властителями Рима, Виргилій не былъ чуждъ даже суетной цѣли увѣковѣчить въ своей поэмѣ это, ни на чемъ не основанное, гордое преданіе Цезарей и, изъ личной преданности къ Августу, возвысить и просвѣтлить въ минувшемъ его блестящую эпоху. Вотъ почему, при изображеніи Ада въ шестой

¹⁾ Мнѣніе Нибура, см. Bernhardt: Geschichte der Römischer Litteratur, s. 413.

пѣсни Энеиды, онъ влагааетъ въ уста Анхиза слѣдующую пророчественную рѣчь, обращенную къ его сыну Энею:

„Ты обрати свой взоръ на это племя: то племя
Римлянъ твоихъ. Тамъ Цезарь и все поколѣніе Юла,
Мужи, которые встанутъ подъ сводомъ великаго неба.
Вотъ онъ, тотъ мужъ, такъ часто тебѣ общаемый ро-
комъ,
Августъ Цезарь, потомокъ боговъ; онъ въ Латіи снова
Вѣкъ золотой водворить, въ странѣ той счастливой, въ
которой

Царствовали прежде Сатурнъ“.... ¹⁾

Мало того: въ Энеидѣ мы можемъ находить даже явные свидѣтельства того, что Virgilii при всякомъ удобномъ случаѣ не чуждался и явной лести своему державному покровителю. Такъ, напримѣръ, личность недавно умершаго тогда Августова племянника Марцелла, подававшего, правда, большія надежды, но ни чѣмъ особенно не прославившагося, онъ въ пророчественныхъ словахъ того-же Анхиза изображаетъ слѣдующими возвышенными чертами:

„Какихъ похоронъ свидѣтелемъ будутъ
Тибровы волны, когда потекутъ близъ свѣжей могилы!
Ни одинъ изъ героевъ Троянскаго рода не будетъ
Сердца дѣдовъ Латиновъ лелеять такою надеждой!
И никогда Римъ великій не будетъ столько гордиться,
Что вскормилъ на лонѣ своемъ такого питомца!
О, благочестіе! О, вѣра! О, длань несразимая въ брани!...
Ахъ, несчастный юноша! если бѣ не горькая участь...
Ты Марцеллъ!... О дайте мнѣ лилій полныя длани:
Я посыплю алыя розы, и душу потомка,
Можетъ быть, я облегчу хоть этой ничтожною жерт-
вой“..... ²⁾

Въ силу этой явной, искусственной перднамѣренности всего развивающагося міра эпопеи и религіозный элементъ ея неизбежно долженъ былъ получить у Virgilii вполнѣ соотвѣтствующій характеръ. Онъ не имѣетъ здѣсь своего самостоятельнаго субстанціональнаго значенія, какъ это было

¹⁾ Энеида Virgilii VI п. Переводъ Шершеневича, См. „Современникъ“, 1853—1853 г.

²⁾ Энеида Virg. VI п. Переводъ Шершеневича.

въ пѣснопѣніяхъ Гомера; напротивъ, онъ привлеченъ сюда совершенно искусственнымъ путемъ, какъ только покрывка и блестящее одѣяніе для предзанятой національной тенденціи. Весь міеологическій міръ Виргилія имѣетъ значеніе въ его поэмѣ лишь на столько, на сколько онъ необходимъ для того, чтобы представить историческое возвышеніе народа Римскаго совершившимся при благоговоленіи и даже непосредственномъ участіи самихъ боговъ; своего же собственнаго интереса онъ здѣсь лишенъ вполне. При изображеніи различныхъ явленій и дѣйствій своихъ боговъ Виргилій постоянно даетъ чувствовать, что все ихъ попечительное участіе къ судьбѣ странствующихъ Троянъ направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы только сохранить этотъ небольшой остатокъ славнаго народа для его будущаго великаго развитія, на которое онъ всегда при этомъ и намекаетъ. Такъ, когда Эней, прельщенный Дидоною, медлитъ отплытіемъ отъ африканскаго берега, то явившійся къ нему, по приказу Юпитера, Меркурій прямо заявляетъ:

Если ты не заботишься самъ о будущей славѣ,
Если боишься трудовъ, славнѣе подвиговъ прежнихъ;
Вспомни, что сынъ твой Аксандръ, этотъ маленькій Юлій—
Твой преемникъ: дано ему на поляхъ Италійскихъ
Римское Царство“....¹⁾

Понятно, что и самое представленіе этихъ искусственно привлеченныхъ къ дѣятельности боговъ должно было явиться въ художественномъ отношеніи гораздо ниже гомерическаго.

Другою важнѣйшею причиною того, почему боги Виргилія въ эпическомъ представленіи стоятъ несравненно ниже гомерическихъ служить, какъ мы уже сказали, недостатокъ въ душѣ этого поэта наивной поэтической вѣры въ изображаемый имъ міеологическій міръ,—недостатокъ прямо вытекающій изъ субстанціальной разности эпохи самого Виргилія съ тою, которую онъ взялся изобразить въ своей эпопеѣ.—Въ самомъ дѣлѣ, какое-бы разстояніе не отдѣляло поэта отъ его сюжета, между ними, во всякомъ случаѣ, должно существовать самое тѣсное духовное сродство. Поэтъ непремѣнно долженъ сливаться своимъ воображеніемъ съ

¹⁾ Энеида Вирг. IV' п. Перев. Шершеневича.

понятіями и вѣрованіями изображаемой имъ эпохи и при томъ столь непосредственно, чтобы чувствовать въ себѣ внутреннюю потребность примѣнить свою художественную обработку къ тѣмъ представленіямъ, которыя составляя сущность этой эпохи, въ тоже время выражаютъ и внутреннее существо его собственной. Когда же такого живаго соответствія духа своего времени съ изображаемыми поэтомъ событіями не существуетъ, то и все его произведеніе неизбежно должно явиться нескладнымъ и исполненнымъ внутренняго противорѣчія. Въ поэтѣ проявляется здѣсь совмѣстное дѣйствіе двухъ началъ: одно изъ нихъ составляетъ основаніе того эпического міра, который онъ долженъ изобразить, а другое проникаетъ его собственное воображеніе: и если оба эти начала существенно различны между собою, то отсюда является непріятная въ поэтическомъ отношеніи дисгармонія.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ міру, который поэтъ ставитъ во главѣ развивающагося дѣйствія эпохи, необходимо, чтобы онъ сливался съ духомъ изображаемой имъ эпохи въ наивной, поэтической вѣрѣ въ этотъ міръ,—чтобы вѣрованіе самого поэта было живо и свѣжо: потому что, вѣдь, именно боги управляютъ ходомъ всего эпического дѣйствія, то являя покровительство героямъ, то устроая для нихъ различныя препятствія и бѣдствія. Если же это условіе не соблюдается, то и всѣ высшія силы въ эпосѣ становятся только простыми машинами, безъ дѣйствительности, безъ жизни; онѣ упадаютъ здѣсь въ уровень слѣпаго, пассивнаго орудія, употребляемаго поэтомъ для собственной цѣли и весь процессъ такого сухаго, расчетливаго искусства, примѣняемаго къ древнимъ вѣрованіямъ, по необходимости долженъ окончиться какимъ—нибудь холоднымъ, натянутымъ произведеніемъ. — Но этого, именно, условія, имѣвшаго въ пѣснопѣніяхъ Гомера, можно сказать, идеальное осуществленіе, мы и не находимъ у Ви́ргилія. Членъ народа, почти совершившаго полный циклъ своей исторической жизни и уже клонившагося къ упадку, сынъ цивилизаціи уже состарѣвшейся, утратившей свои прежнія наивныя вѣрованія и наружно лишь чтившей боговъ, но при случаѣ смѣявшейся надъ ними, Ви́ргилій, безъ сомнѣнія, не могъ уже быть благочестивымъ въ пол-

номъ значеніи этого слова и говорить безъ лицемѣрія и ханжества, съ полнымъ поэтическимъ воодушевленіемъ о томъ, что не возбуждало въ немъ задушевнаго участія, что не затрогивало глубочайшихъ струнъ его сердца и не составляло вообще его искренняго религіознаго убѣжденія. — Естественнo, что весь миѣическій міръ его поэмы долженъ былъ получить характеръ или суевѣрія, или же пустаго поэтическаго украшенія безъ души, безъ значенія и во всякомъ случаѣ явиться гораздо ниже гомерическаго.

И на самомъ дѣлѣ общее поэтическое представленіе этого міра, какъ въ его собственной средѣ, такъ и въ его отношеніи къ остальному содержанію эпопеи, въ Энеидѣ Virgilія, именно, и является таковымъ. — Гомеръ, какъ извѣстно, находился въ совершенной гармоніи съ поэтическими вѣрованіями той эпохи, которую онъ изображалъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ; поэтому и весь миѣическій міръ его носить на себѣ печать высшей натуральной истины и красоты. Въ поэмѣ же Virgilія, напротивъ того, мы можемъ постоянно находить доказательства того, что личныя воззрѣнія этого поэта совершенно отличаются отъ наивныхъ религіозныхъ представленій того времени, которое онъ изображаетъ и что къ своеобразной дѣятельности своей боги привлечены у него только путемъ искусственнымъ по заранее обдуманному плану. Отсюда, вмѣсто того, чтобы отличаться жизненностью и представлять собою идеальную дѣйствительность, созданную наивнымъ, поэтическимъ вѣрованіемъ, они являются здѣсь только простыми изобрѣтеніями или фикціями, могущими имѣть развѣ только характеръ суевѣрія, безъ всякаго серьезнаго значенія.

Конечно и здѣсь нельзя отказать Virgilію въ нѣкоторомъ поэтическомъ обаяніи. По мнѣнію Бернгарди въ поэмѣ его заключается своего рода прелесть, именно въ томъ, что „онъ переноситъ своего читателя въ какое-то сумеречное освѣщеніе и, самъ стоя посреди утонченнаго и политически устроеннаго общественнаго быта, не позабываемаго ни на одно мгновеніе, создаетъ цѣлый миѣическій міръ въ пустомъ пространствѣ фантазій“ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, даже при поверхностномъ воззрѣніи на предметъ, очевидно, что

¹⁾ Rernhardy. Geschichte der Römischer Litteratur, s. 415.

древне-эллинскій эпикъ стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше и отличается большею вѣрностію духу изображаемой эпохи. Поэтому болѣе справедливымъ слѣдуетъ признать здѣсь слѣдующій характеристическій отзывъ Гегеля: „Во всей эпопееъ Virgilіа, вообще, представляется въ отношеніи міеологій духъ положительный и прозаическій. Древнее преданіе, первоначальная пѣснь открываются здѣсь въ прозаической ясности, въ рамкѣ положительнаго разума; въ Энеидѣ, точно какъ въ римской исторіи Тита Ливія, древніе цари и консулы говорятъ рѣчи, какъ бы на форумѣ или съ ораторской кафедрой, а съ этими рѣчами сильно несогласно все прочее преданіе“¹⁾.

И дѣйствительно, живость и непосредственная ясность дѣтски—наивной фантазіи, составляющая вообще одну изъ главныхъ прелестей Гомера, придала и разнообразной дѣятельности боговъ въ его пѣснопѣніяхъ характеръ натуральной человѣческой правды; тогда какъ боги Virgilіа во всѣхъ разнообразныхъ дѣйствіяхъ своихъ являются и исчезаютъ только по преднамѣренному искусственному расчету поэта, являясь въ собственномъ смыслѣ тѣмъ, что называется „Deus ex machina“. Мало того: боги Гомера, именно вслѣдствіе наивности представленія, иногда бываютъ даже забавны въ его эпическомъ изображеніи. Такъ, они подшучиваютъ у него надъ хромоногимъ Гефестомъ, равнымъ образомъ какъ и надъ той сценой, въ которой Арей и Афродита оказались опутанными Гермесомъ сѣтью. Virgilіа-же, напротивъ того, какъ поэтъ ученый, всегда представляетъ своихъ боговъ съ торжественною важностію, доходя здѣсь нерѣдко до той искусственной возвышенности, отъ которой, какъ говорится, до смѣшнаго только одинъ шагъ.

Но въ особенности оказался неудачнымъ у Virgilіа, по сравненію съ Гомеромъ, общій способъ поэтической обработки религіозныхъ представленій своей поэмы.—Сынъ эпохи, когда религіозныя вѣрованія уже ослабли, когда, древняя міеологія разсматривалась только какъ прекрасно изобрѣтенная поэтическая сказка, Virgilіа въ своей эпопееъ долженъ былъ обратиться къ наивнымъ временамъ этой міеологій и еѣ обрабатывать поэтически. И такъ какъ поэтъ не-

¹⁾ Курсъ Эстетики: 2 ч., 100 стр.

премѣнно требуетъ вѣры въ созданія своей фантазіи, а у самого Virgilія ея не находилось, то и естественно, что онъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ какому-нибудь искусственному средству, чтобы хотя чрезъ него восполнить то, чего не доставало ему въ вѣрѣ. Этимъ средствомъ и является у него риторика. Риторика господствуетъ въ представленіи мнѣческаго міра, какъ и вообще во всей Энеидѣ Virgilія, въ высшей степени; и слѣдуетъ признать, что ни въ какомъ другомъ поэтическомъ произведеніи древности она не примѣняется съ большей послѣдовательностью и совершенствомъ, какъ именно здѣсь. Чрезъ это общее стремленіе свое Virgilій становится тѣмъ, что обыкновенно называютъ блестящимъ; такъ что Гомеръ, сынъ природы и дѣтски вѣрующій, является въ сравненіи съ нимъ простымъ. но за то естественнымъ, свѣтлымъ и радостнымъ.

Virgilій самъ чувствуетъ, что весь мнѣскій міръ его не можетъ такъ дѣйствовать какъ гомерическій; поэтому онъ и старается при всякомъ удобномъ случаѣ подражать Гомеру. Но здѣсь то, именно, и обнаруживается вся громадная разница между наивнымъ и поэтическимъ по природѣ и тѣмъ, что только хочетъ сдѣлаться таковымъ посредствомъ искусства. Для примѣра мы укажемъ здѣсь на нисхождение Одиссея въ Адъ, которое въ главныхъ чертахъ воспроизведено и Virgilіемъ въ шестой пѣсни Энеиды.

Подземное царство Анда, изображенное Гомеромъ въ одиннадцатой пѣсни Одиссея, является въ какомъ-то неопредѣленномъ, колеблющемся освѣщеніи, представляя собою какъ бы смѣсь дѣйствительности и воображенія. Вводя въ него своего героя, поэтъ вовсе не устраиваетъ для него здѣсь различныя, напередъ обдуманныя встрѣчи. Напротивъ того, Одиссей, слѣдуя наставленіямъ Цирцеи, безъ всякихъ околичностей, приступаетъ у него къ приготовленію своимъ мечемъ глубокой ямы. Въ эту яму онъ выливаетъ кровь убитыхъ имъ животныхъ (барана и овцы) и когда къ ней слетаются тѣни умершихъ, жаждущія оживленія, то онъ устраняетъ ихъ мечемъ. Пить теплую кровь герой допускаетъ только тѣни знакомыхъ ему лицъ съ тѣмъ, чтобы они, получивъ даръ слова, могли рассказывать ему свои исторіи, случившіяся послѣ разлуки. Все это дышетъ простотою, свѣжестью и наивною дѣтскаго воображенія и чрезъ это уже

самое получаетъ характеръ натуральной поэтической правды.— Для Virgilія же, какъ поэта искусственнаго, такой простоты оказалось уже совершенно недостаточно. Поэтому онъ и ставитъ на самомъ порогѣ своего Ада множество удивительныхъ порожденій своей фантазіи, обнаруживая при этомъ риторическую свою въ самомъ блестящемъ свѣтъ:

„Вотъ у порога, 'при самомъ входѣ въ подземное царство,

Злая Забота и Плачъ утвердили свое пребыванье;
Тамъ и Болѣзни блѣдныя, тамъ и печальная Старость,
Страхъ и Злосовѣстный Голодъ и гнустная Бѣдность,
Съ лицами страшными, дикими; далѣе Смерть и Несчастье,

И Усыпленіе, сродное смерти, коварная Радость,
И смертносная Брань насупротивъ ихъ у порога;
Тамъ и Фуриі желѣзная ложа, безумная Ярость,
Свившая лентой кровавой змѣиныя кудри.
Старый, огромный вязъ растеть по срединѣ и вѣтви.
Съ тѣнью густою кругомъ разстилаетъ широко: на этомъ
Вязѣ ничтожныя Сны подъ каждымъ листочкомъ таятся.
Множество разныхъ чудовищъ стоитъ у порога пучины:
Тамъ Центавры сидятъ, за ними двуличныя Сциллы,
И сторукий гигантъ Бриарей и Лернейское чудо,
Страшно шумящее; тамъ и Химера пламенемъ дышитъ:
Тамъ Горгоны, Гарпіи, триличная тѣнь Геріона“ ¹⁾....

Точно также и въ дальнѣйшемъ изображеніи ада у Virgilія во всемъ видна рефлексія и планосообразность. Минувшая сейчасъ приведенная нами ужасы, Эней спускается у него совершенно правильно: лѣстница, Церберъ, Танталъ и все остальное принимаетъ здѣсь характеръ холоднаго сокращенія мифологіи, сосредоточенной въ опредѣленно устроенномъ помѣщеніи.

Таковъ общій характеръ художественнаго представленія религіознаго элемента въ прославленной Энеидѣ Virgilія. Взятый самъ по себѣ онъ оказывается здѣсь лишеннымъ всякаго самобытнаго значенія и въ эпическомъ изображеніи поэтомъ является, вслѣдствіе явной искусственности своей, гораздо ниже гомерическаго. Но еще болѣе онъ те-

¹⁾ Энеида, VI п. Переводъ Шершеневича.

ряетъ въ своемъ художественномъ достоинствѣ, если мы станемъ разсматривать его въ отношеніи къ остальному матеріальному содержанію поэмы, имѣя при этомъ въ виду Гомера, которому и здѣсь сознательно подражаетъ Virgilій.

Въ Энеидѣ Virgilія божества греко-римской мифологій хотя и допускаются къ участию въ развивающемся дѣйствіи эпоса въ той же самой степени, какъ и въ пѣснопѣніяхъ Гомера, однакожъ ихъ отношеніе къ героическому міру является совершенно искусственнымъ и прозаичнымъ. Гомеръ, если и позволяетъ своимъ богамъ преслѣдовать одну общую цѣль съ героями, то при этомъ онъ выводитъ ихъ на сцену не просто только ради людей, но именно потому, что они занимаютъ его наивную фантазію въ равной степени, какъ и герои. Въ своихъ пѣснопѣніяхъ онъ представляетъ намъ не рѣдко множество такихъ сценъ изъ мифическаго міра, которыя совершенно не имѣютъ никакого вліянія на эпическое развитіе того, что происходитъ на земли, а выставлены лишь изъ за своего собственнаго поэтическаго интереса. Но въ этомъ безцѣльномъ соединеніи небснаго съ земнымъ, именно, и заключается значительная доля той прелестной и очаровательной наивности, которая столь сильно восхищаетъ насъ въ Гомерѣ. У Virgilія же, напротивъ того, боги обыкновенно выступаютъ лишь тогда, когда это необходимо по условіямъ развивающагося дѣйствія и, вообще, только тамъ, гдѣ этого требуетъ поэтическая машина или блескъ.

Отсюда, если у Гомера каждый актъ божественнаго участія къ судьбамъ и дѣйствіямъ героевъ является достаточно обусловленнымъ предшествующимъ изображеніемъ эпическаго міра въ средѣ самыхъ боговъ, то у Virgilія, напротивъ, всѣ подобныя акты, въ большинствѣ случаевъ, не мотивированы ничѣмъ. Боги обыкновенно у него дѣйствуютъ только тамъ, гдѣ поэту предстоитъ необходимость или разрѣчь какой-нибудь Гордіевъ узелъ, неразрѣшимый по естественнымъ условіямъ эпическаго дѣйствія, или же придать повѣствованію своему больше эффекта: такъ что, собственно говоря, не боги управляютъ здѣсь героическимъ міромъ поэмы, а самъ Virgilій управляетъ имъ чрезъ нихъ по своему личному усмотрѣнію.—Что это дѣйствительно справедливо.

въ этомъ легко убѣдиться изъ четвертой пѣсни Энеиды, восплѣвающей пребываніе Энея у Дидоны. Энею жилось здѣсь вообще легко и весело. Находясь вблизи любимой женщины, проводя время въ веселыхъ развлеченіяхъ пирами и охотою, онъ вовсе и не былъ расположенъ покинуть Карфагенъ и задумывалъ даже жениться на царицѣ. Но не этого, вѣдь, хотѣлось Virgilію, заявившему еще гораздо ранѣе о высокомъ предназначеніи своего героя ¹⁾; поэтому все дѣло оканчивается здѣсь только тѣмъ, что къ Энею является вдругъ Меркурій и послѣ грозной рѣчи къ герою, насильственно отправляетъ его въ Лаціумъ. Точно также и во второй пѣсни Энеиды, въ блестящей картинѣ, изображающей окончательное паденіе Трои, появленіе Геры и Афины на „Скейскихъ воротахъ“ не только не оправдано поэтически предшествующими событіями изъ міра боговъ, но не требуется даже и развитіемъ эпического дѣйствія на землѣ, а выводится лишь просто для того, чтобы придать великому дѣлу спасенія Энея для предстоящей ему высокой судьбы какъ можно больше эффекта.

Такимъ образомъ, въ Энеидѣ Virgilія боги если и выступаютъ къ дѣятельности за своихъ героевъ, то эта дѣятельность ихъ является здѣсь или одной аллегорической механикой, или же только пустою, наружною прикрасою чудеснаго; но не заключаетъ въ себѣ ничего субстанціальнаго и истиннаго, ничего такого, что напоминало бы намъ Гомера. Въ поэмахъ Гомера боги являются живыми характерами, типическими личностями, которые, если и помогали или препятствовали героямъ, то дѣйствовали такъ потому, что сами были существенно заинтересованы въ этомъ; у Virgilія же, напротивъ, всѣ мотивы въ дѣятельности боговъ сводятся лишь къ одному субъективному произволу поэта.

Въ этомъ произвольномъ употребленіи божественнаго элемента для частныхъ цѣлей своей Эпопеи Virgilій не останавливается ни предъ чѣмъ, ни даже тамъ, гдѣ такое употребленіе слишкомъ уже явно поражаетъ своею искусственностію. Такъ, въ девятой пѣсни Энеиды, когда храбрый Турнь хочетъ зажечь корабли Троянъ, Virgilій разрѣшаетъ это затруднительное положеніе своихъ излюбленныхъ героевъ

¹⁾ Въ концѣ второй пѣсни Энеиды.

посредствомъ чудеснаго превращенія ихъ кораблей въ Нимфъ.
Онъ воспѣваетъ здѣсь:

„Скорѣ морямъ запылать отъ пожарныхъ
Факеловъ Турна, чѣмъ этимъ соснамъ священнымъ:
Идите, моря богини, свободно!

И мгновенно ладьи, расторгнувъ у берега узы
Словно дельфины, носы погружаютъ въ глубокія
волны

И опускаются долу. И—о, непонятное чудо!
Сколько ладей мѣдногрудыхъ у берега прежде
стояло,

Столько прекрасныхъ дѣвъ понесли по волнамъ
океана“.

Конечно, и у Гомера мы находимъ много чудеснаго при изображеніи божественнаго элемента въ героическихъ дѣяніяхъ; но дѣло въ томъ, что у него оно имѣло характеръ дѣйствительный и истинный. По наивнымъ воззрѣніямъ этого поэта чудесное принадлежало къ естественному порядку вещей и всецѣло вытекало изъ полноты обожествленной природы; такъ что, создавая извѣстное чудо, Гомеръ поступалъ здѣсь вполнѣ естественно и самъ никогда не смотрѣлъ на него именно такъ, какъ на чудо. Виргилій же, напротивъ, какъ поэтъ эпохи культурной, видѣлъ въ чудесахъ только искусственное средство для своихъ личныхъ поэтическихъ цѣлей. Поэтому онъ прямо и восклицаетъ здѣсь, что совершилось, именно, чудо и при томъ „непонятное“. И дѣйствительно, оно у него непонятно; потому что совершенно фиктивно.

Но вслѣдствіе этого произвольнаго и вполнѣ искусственнаго привлеченія боговъ къ участію въ судьбахъ и подвигахъ героев и дѣятельность этихъ послѣднихъ въ поэмѣ Виргилія значительно теряетъ въ своемъ свободномъ и независимомъ обнаруженіи. Во всѣхъ тѣхъ положеніяхъ, гдѣ герои, по самому характеру поэтической коллизіи, могли бы въ полномъ блескѣ проявить свою собственную героическую доблесть и чрезъ это вполнѣ охарактеризовать себя, какъ опредѣленныя типическія личности, у Виргилія всегда готово искусственное вмѣшательство боговъ, которое, удобно разрѣшая коллизію, ничего, однакожъ, не оставляетъ для самостоятельности дѣйствующихъ лицъ. Поэтому большая

часть героевъ въ Энеидѣ Виpгиліа суть не живые, эпиче-скіе характеры, а машины, которыя дѣйствуютъ такъ или иначе лишь по опредѣленію боговъ, или что тоже, по субъективному намѣренію поэта. Они превращаются здѣсь въ простыя механическія орудія, управляемыя судьбою совершенно пзвнѣ, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать вполнѣ самостоятельно по своему внутреннему свободному расположенію.

Такимъ характеромъ въ особенности отличается Эней, главнѣйшій герой Энеиды.—У Гомера Эней, принадлежащій къ царственному дому Пріама, занимаетъ довольно выдающееся положеніе въ ряду троянскихъ героевъ. Его почитаютъ тамъ почти въ одинаковой степени какъ и богоравнаго Гектора, обращаются къ нему за совѣтами, а когда онъ сражается съ Ахиллесомъ, то Посейдонъ, избавляя его отъ неминуемой смерти, даетъ предсказаніе, что Энею и его потомству суждено впоследствии царствовать надъ Троянами. Такимъ изображается этотъ герой преимущественно въ двадцатой пѣснѣ Иліады ¹⁾; но совершенно инымъ онъ представляется намъ у Виpгиліа, благодаря, именно, непрестанному почитательному участию въ его судьбѣ боговъ.

Въ Энеидѣ Эней есть, именно, та личность, о которой главнымъ образомъ заботятся боги и которая поэтому наиболѣе и теряетъ здѣсь въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Справедливо полагаютъ, что Виpгилію надлежало бы вывести событія изъ самаго характера этого героя, раскрыть предъ нами его душевный міръ, его намѣренія и этимъ обусловить все то, что онъ совершаетъ ²⁾; у него же, напротивъ, Эней всегда дѣйствуетъ только тамъ, гдѣ ему указываютъ боги, и при томъ именно такъ, какъ они ему опредѣляютъ. Поэтому, вмѣсто живаго героическаго характера, предъ нами выступаетъ здѣсь совершенно пассивная, безличная фигура, и Эней Виpгиліа по остроумному замѣчанію Паули, въ его „Энциклопедіи наукъ древности“, есть ничто иное какъ „тѣсто, которое совершенно произвольно мѣ-

¹⁾ Иліада: XX п. 80—340.

²⁾ М. Каррьеръ: Искусство въ связи съ развитіемъ культуры. 2 т., 414 стр.

сится судьбою“¹⁾.—Дѣйствительно, охраняющія крылья парящихъ вокругъ Энея божествъ не вѣютъ на него, какъ у гомерическихъ героевъ, чудесно оживляющею струей, которая возжигала бы божественныя силы въ немъ самомъ; напротивъ они обвиваются вокругъ него какъ чужеродное растеніе, высасывая изъ него всѣ недѣлимыя особенности его души, всю нравственную самобытность его личности. Эней слишкомъ уже ясно сознаетъ свое божественное призваніе и слишкомъ покорно ему слѣдуетъ, чтобы чувствовать себя вполне самостоятельнымъ и поступать свободно и независимо, какъ герой. Правда, за такое всегдашнее безропотное подчиненіе волѣ боговъ Виргилій награждаетъ своего героя эпитетомъ: „благочестивый“; но понятно, что этого вовсе недостаточно для истиннаго эпического героя и что одними эпитетами невозможно придать ему дѣйствительную жизнь и значеніе.

Такимъ образомъ Эней Виргилія не есть собственно типъ или характеръ; такъ какъ человѣческое достоинство въ немъ слишкомъ унижается поэтомъ и даже вовсе исчезаетъ предъ опредѣленіемъ высшимъ, божественнымъ. Онъ не есть живая героическая личность съ атрибутами непринужденной дѣятельности, а скорѣе безсодержательный фантомъ, совершенно механически управляемый рокомъ.—За вполне пассивный и потому вовсе не героическій образъ дѣятельности этого главнѣйшаго героя Энеиды ручается намъ, между прочимъ, и собственное сознаніе въ этомъ самого Энея, выраженное имъ въ Аду предъ Дидоною. При встрѣчѣ съ ней Эней восклицаетъ:

„Ахъ, Дидона несчастная! Точно ли не были ложны
Слухи о смерти твоей и о самоубійствѣ жестокомъ?
Я былъ причиною смерти, увы! Но клянусь предъ тобою
Солнцемъ и небомъ, если есть вѣра въ безднѣ подземной,
Я отъ владѣній твоихъ удалился *невольно*, царица:
Воля безсмертныхъ боговъ, которая нынѣ по этимъ
Страшнымъ и темнымъ пучинамъ итти въ безпредѣль-
номъ туманѣ

*Нудитъ меня и тогда принуждала.....*²⁾

¹⁾ Aug. Pauly: Real-Encyclopädie d. classischen Alterthumswissenschaft 2655 s.

²⁾ Энеида Вирг. VI ц. Перев. Шершеневича.

Поэтому-то, какъ при удаленіи Энея изъ Корфагена Дидона, возмущенная его безчеловѣчіемъ и наглостію, имѣла поводъ сказать:

„Нѣтъ измѣнникъ не вѣрю: мать твоя не богиня
И не Дарданъ отецъ столь низкаго чада, но скалы,
Твердая, дикія скалы Кавказа тебя породили,
Тигры вскормили грудью тебя, Гирканскіе тигры“.... ¹⁾.
Такъ точно она и здѣсь съ презрѣніемъ,—
„Схватила съ прочь отъ него убѣжала

Въ темную рошу, гдѣ милый Сихей, волюбленный прежде
На любовь отвѣчаетъ любовью и лаской на ласки“.... ²⁾.

Но если Эней Virgilia, не смотря на первенствующую роль свою въ Энеидѣ, проявляетъ во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ мало личнаго героическаго характера, именно, вслѣдствіе непрестаннаго участія въ его судьбѣ боговъ; то, съ другой стороны, тѣ лица эпопеи, относительно которыхъ участіе это не могло имѣть особеннаго значенія, представляютъ въ себѣ несомнѣнный поэтический интересъ. Такими лицами являются здѣсь въ особенности Турнь и Дидона.

Турнь, прежде всего, возбуждаетъ въ читателѣ несравненно большее сочувствіе, нежели его противникъ Эней. Безъ сомнѣнія, это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ характера тѣхъ ролей, какія имъ усвояются въ поэмѣ. Въ то время какъ Эней, будучи чужестраннымъ пришельцемъ, вторгается на основаніи лишь общаго предсказанія въ чуждую ему среду и безцеремонно стремится завладѣть не принадлежащей ему невѣстой и царствомъ, Турнь храбро защищаетъ свое кровное достояніе и является, такимъ образомъ, угнетеннымъ представителемъ начала высшей справедливости. Тоже можно сказать и о самомъ способѣ ихъ борьбы. Эней, если и побѣждаетъ Турна въ рѣшительномъ поединкѣ, то потому лишь, что имѣетъ надъ нимъ подавляющій перевѣсъ, пользуясь несокрушимымъ оружіемъ, доставленнымъ ему богинею и вспомошествоваемый страшными ударами крыльевъ фуріи. Ясно, что такая побѣда, совсѣмъ не зависящая отъ личныхъ качествъ героя, болѣе унижаетъ побѣдителя, чѣмъ побѣжденнаго и вмѣшательство боговъ

¹⁾ Энеида Virg. IV п. Перев. Шершеневича.

²⁾ Энеида Virg. VI п. Перев. Шершеневича.

въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, только вредить человѣческому достоинству Энея по сравненію съ его героическимъ соперникомъ. Вотъ почему и положеніе Лавиніи исполнено здѣсь внутренней фальши и противорѣчія; такъ какъ сама она едва-ли бы предпочла Троянца Турну, если бы поэтъ предоставилъ это ея собственному рѣшенію.

Но особенно удался Virgilію характеръ Дидоны. Въ ея характеристикѣ съ наибольшею яркостію раскрывается предъ нами, такъ сказать, индивидуальныи геній творца Энеиды, — геній полный сердечной чувствительности и въ высшей степени привлекательный. Дидона его есть безсмертный образецъ глубочайшей трогательности, женственной прелести и самоотверженной любви. Здѣсь Virgilій такъ глубоко заглядываетъ въ человѣческое сердце, такъ тонко подмѣчаетъ его нѣжныи движенія и съ такою убѣдительною истинностію ихъ изображаетъ, какъ ни одинъ изъ поэтовъ античнаго міра. Любовь Дидоны, въ особенности какъ она изображена въ четвертой пѣсни Энеиды, совершенно свободна отъ того дикаго опьяненія животной чувственности, какимъ она отличалась во времена поэта. Въ этомъ отношеніи онъ представляется намъ какъ бы современникомъ средневѣковыхъ трубадуровъ, этихъ вдохновенныхъ пѣвцовъ женской прелести и любви, когда во внутренней жизни человѣчества съ особенною силою проявилось то „вѣчно-женственное начало“, о которомъ упоминаетъ Гёте въ заключительномъ стихѣ своего Фауста. Трогательный образъ Дидоны дѣйствительно является у Virgilія какъ бы плодомъ духовнаго прозрѣнія, опережающимъ свое время и надо полагать, что, именно, это сходство его съ настроеніемъ позднѣйшей эпохи и было главною причиною того высокаго уваженія, какимъ пользовалась Энеида особенно въ средніе вѣка.

Такимъ образомъ, Турнъ и Дидона суть единственныя лица, на которыхъ преимущественно создается поэтический интересъ Энеиды. Только они одни являются здѣсь дѣйствительными характерами, исполненными натуральной жизни и движенія, въ полномъ и рѣзкомъ очертаніи своихъ индивидуальныхъ особенностей; всѣ же остальные лица поэмы, въ сопоставленіи съ ними, представляютъ собою лишь блѣдныя тѣни. Но дѣло въ томъ, что это случилось, повидимому, вопреки личнымъ намѣреніямъ самого поэта и нахо-

дится въ явномъ противорѣчіи со всѣмъ ходомъ эпопеи, совершающимся подъ непосредственнымъ руководствомъ высшихъ божественныхъ силъ. Вотъ почему такое странное явленіе само по себѣ служить краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ всей произвольности и, можно сказать даже, причудливости Виргилія въ употребленіи этихъ силъ, какъ главной пружины всего эпического механизма Энеиды.

І. Татарскій.
